

БИБЛИОТЕКА
ИСТОРИЧЕСКОЙ
ПРОЗЫ

БОРИС БАРТФЕЛЬД

ВОЗВРАЩЕНИЕ
на ГОЛГОФУ

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б26

Оформление серии *С. Курбатова*

Бартфельд, Борис Нухимович.
Б26 Возвращение на Голгофу / Борис Бартфельд. —
Москва : Издательство «Э», 2016. — 352 с. — (Библио-
отека исторической прозы).

ISBN 978-5-699-92806-4

История не терпит сослагательного наклонения, но удивительные и чуть ли не мистические совпадения в ней все же случаются. 17 августа 1914 года русская армия генерала Ренненкампа перешла границу Восточной Пруссии, и в этом же месте, ровно через тридцать лет, 17 августа 1944 года Красная армия впервые вышла к границам Германии. Русские офицеры в 1914 году вошли на свою Голгофу, но тогда не случилось Воскресения – спасения Родины. И теперь они вновь возвращаются на Голгофу в прямом и метафизическом смысле. Ведь место, где русские войска в августе 1914 года и осенью 1944 года готовятся к наступлению, называется литовской Кальварией, что на латыни означает Голгофа. Судьба России и две великие войны, метафизика истории и отдельной человеческой жизни, любовь и смерть, утраты и надежды обретают в романе Бориса Бартфельда «Возвращение на Голгофу» пронзительное и достойное звучание.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Бартфельд Б., 2016
© Оформление. «ООО «Издательство
«Э», 2016

ISBN 978-5-699-92806-4

Пролог

Эти птицы жили здесь всегда.

Огромные птицы Роминтенской пущи.

Зоркие глаза Красного леса и Красной реки.

Век назад их предки облюбовали высокую сосну на крутом берегу.

И теперь землю далеко кругом покрывал слой мелких костей, пуха и шерсти.

Иногда хозяева гнездовья парой кружили над лесом в беззвучном небесном танце. Но чаще в небе он парил один — грозный орёл, высматривающий свою добычу.

Он не боялся ничего, кроме треска прожорливого огня и человека с его чадящими машинами; похожие на длинных грохочущих червей, они вгрызались в глубину леса и выволакивали за собой вековые сосны.

Орёл тяжело взлетал из гнезда и кругами, расходящимися всё шире и шире, поднимался к небу. Его владения раскинулись так обширно, что с самого верха он не мог окинуть их взглядом от края и до края.

Далеко на восток уходил лес, за ним синела огромная чаша озера — глубокого, древнего. На юг лес тянулся бесконечно, и до границ его взгляд птицы

БОРИС БАРТФЕЛЬД

не достигал. На север и запад текли быстрые реки, там лес заканчивался, и холмы сменялись бескрайней равниной. Среди холмов и по равнине в домах под черепичными крышами селились люди, по соседству с ними среди руин красного кирпича жили их боги.

То поле — заветное место охоты, охранял он своей магической силой, небесной силой. Оно лежало на северо-западном краю его владений, и туда неизменно во множестве приходили кормиться грызуны и мелкие хищники. Поле это он находил взглядом из любой, самой далёкой точки своего полёта по загадочному силуэту. Как только стаивал снег, сквозь траву проступал профиль хищной птицы: два глаза — пуговицы с офицерской шинели — золотом вспыхивали под лучами солнца; между ними блестел огромный нос — штык от русской винтовки.

Туда, огромный и грозный, падал он с неба за своей законной добычей.

Октябрь 1944 года

Они лежали в поле. Их шкуры, омытые дождём, были ещё упруги, и только в тех местах, где пули выворотили наружу мясо, нарушалась та восхитительная гладкость лошадиного тела, которая издревле манит человека. И до сей поры нет ничего более заворачивающего для мужчины, чем оглаживать ладонью упругие, трепещущие бока лошадей. Они лежали в холодной осенней траве в два ряда, почти по-военному ровных; лишь лошади, тянувшие телеги в хвосте обоза, успели метнуться в стороны под пулемётными очередями, нарушив строгий порядок. Люди выпрягли неподвижные тела из телег, сняли хомуты, подпруги, уздечки, вожжи. Телеги с уцелевшим грузом увезли, а лошади остались свободными от тягла, но теперь вместо человека, извечно впрягавшего их в ярмо, смерть стреножила и уложила их в чужом поле. Лошади эти попали сюда из русских и белорусских деревень да литовских хуторов, и все то время, пока их держали во фронтовых частях, они тяжело работали на войну. Птицы только начали расклёвывать их мясо, и зверью ещё предстояла обильная трапеза. До первого снега их обгложут

хищники, обточат насекомых, и на поле останутся только белоснежные скелеты и изысканные лошадиные черепа. Да и кости эти через годы исчезнут, растворятся, уйдут в землю кальцием и фосфором. Но и этому неизменному и столь естественному в природе процессу не суждено сбыться в войну. Издали послышался глухой, рваный гул, он стремительно нарастал, наполнялся лязгом стальных гусениц, на поле ворвалась танковая армада, шедшая в несколько колонн. Через минуту гул начал затихать, танки уходили так же стремительно, как и появились, унося на гусеницах лошадиное мясо. В минуту поле превратилось в грязную смесь глубоко взрытой почвы и размолотых лошадиных останков.

Все стихло.

...Утро так и не распогодилось. Холодный осенний туман мелкими каплями садился на телогрейки и шинели солдат, стекал за ворота гимнастерок. После спешного завтрака артиллерийский противотанковый истребительный полк двинулся от поселка Миллунен в сторону Толльмингкемена^{1*}. Был день 23 октября 1944 года, и уже началась та промозглая осенняя пора, что так сильно отличается от начала осени. Вернее, той ее половины, на которую приходится бабье лето, необыкновенно длинное в этой части Восточной Пруссии, приграничной с Литвой и Польшей.

Артиллерийский полк придавался в распоряжение то одной, то другой наступающей стрелковой дивизии, особенно на тех участках фронта, где была велика

* Комментарии и примечания к главам приведены в конце книги.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА ГОЛГОФУ

вероятность танкового контрудара немцев. Батареи поддерживали огнем пехоту, прорывающую укрепленные позиции врага возле каждой высотки, возле каждого поселка и городка этой первой на пути солдат Красной армии германской земли.

Тридцать четыре орудия полка, десятков машин, повозки службы управления и хозвзвода растянулись по узкой дороге, плотно обсаженной деревьями, километра на четыре. Комбаты до хрипоты срывали глотки, пытаясь сжать эту постоянно растягивающуюся пружину из техники, лошадей и людей.

Уже ближе к полудню тягачи с пушками второй батареи медленно спустились с холма по дороге, вымощенной крупным, аккуратно подогнанным друг к другу булыжником, и втянулись через небольшой мост в старый прусский поселок.

Старшина, водитель командира полка, ожидал машины у околицы. Не глядя, засадив две длинные автоматные очереди куда-то в сад за домами, он прокричал комбату:

— Заворачивай батарею во второй проулок. Там увидишь три дома. Занимайте, все ваши.

Большая собака выскочила из-за дома, со злобным лаем стала наскакивать на старшину. Не прерывая разговора, тот достал из кармана маленький трофейный пистолет, дважды выстрелил прямо в собачий оскал. Лай захлебнулся истошным визгом, собака затихла.

— Как разместишь своих, сразу с картами к Бате, мы в здании вокзала. Поспешите...

Старшина, годившийся комбату в отцы, в горячке обращался к нему без звания и должности. Комбат, высокий, по-военному подтянутый, даже щеголеватый капитан, которому недавно исполнилось двадцать три года, снисходительно относился к вольностям

старшины, хотя с солдатами батареи был строг и панибратства не допускал.

Первый «Студебеккер» батареи тяжело повернул направо в проулок, вывернул брусчатку, завалил невысокий забор, выбросил клубы жирного дыма и ткнулся носом в старую яблоню, так и не заглушив двигатель. Пушка, прицепленная к тягачу, перегородила подход к калитке дома, и комбат заставил водителя проехать еще метров на двадцать вперед. Следом за первой в проулок заехали еще две машины с орудиями. Упряжка лошадей, тащившая четвертую пушку, протиснулась между изгородью и машинами во двор крайнего дома. Ефим, девятнадцатилетний сержант-связист, сидел рядом с ездовым Колькой Чивиковым, расторопным молодым мужиком из Брянской области. Из машин повыскакивали солдаты, стали торопливо обустриваться в домах, стараясь занять лучшие места. Колька же не спеша выпряг лошадей, повел их через двор к сараю из красного кирпича, покрытому такой же красной черепицей. В стену сарая были вделаны металлические кольца, специально для привязи лошадей. Ездовой дал лошадям по охалке привезенного с собой сена, пошел осматривать сарай. Вернулся довольный:

— Слышь, Ефим, оставайся здесь со мной. Сарай капитальный, теплый, чего тебе лезть к комбату. Покою там не будет, людей полно, тесно... А сюда я никого не пущу. Смотри, сколько здесь сена для лошадок, а наши ребята без курева не могут. Того гляди и подпалят, а сено-то душистое, не пересушенное. Оставайся, тащи сюда свои манатки.

— Договорились! — Обрадованный Ефим кинулся к машине комбата за вещами.

Колька любил, когда этот ухватистый парень возился поблизости. Из всей второй батареи он лучше всех,

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА ГОЛГОФУ

не считая, конечно, самого Кольки да Петрухи Тихого, управлялся с лошадьми. Ефиму ещё мальчишкой приходилось иметь дело с лошадьми, а первые два года войны, пока не исполнилось восемнадцать, он с ними не расставался. Перегонял скот с Украины на восток, уходил от наступающих фрицев, переплывал с табуном, держась за гриву жеребца, через Днепр и Волгу. До апреля 1943 года он работал в бригаде на всеми забытом хуторе в саратовской степи. И ездил не только на лошадях, но и на верблюдах, доил коров, случалось, и кобылиц, даже верблюдиц, спасаясь молоком от голода. Когда в апреле, в день своего восемнадцатилетия, парень явился в районный военкомат, никто его там не ждал, даже не подозревал о его существовании. Удивились, записали данные и отправили обратно в степь, дожидаться повестки. Бумага из района пришла в мае, и Ефим отправился служить, но не на фронт, как он по простоте душевной полагал, а сначала в учебный полк. Учили их там всяким телефонным, радиотехническим и военным премудростям ни много ни мало, а до октябрьских праздников и только после этого по первым заморозкам отправили в действующую армию. К началу наступления в Восточной Пруссии Ефим провоевал почти год, пообтесался, освоился и числился уже бывалым бойцом.

Пока сержант перетаскивал радиостанцию и свои вещи, Колька устроил в сарае стол и лавки из добротных струганых досок, аккуратно сложенных хозяевами для просушки вдоль дальней стены.

— Спать будем на сене вон в том углу. Ладно, доставай тушенку, перекусим по-быстрому. — Николай вынул остро заточенный трофейный складной нож с двумя лезвиями. — Значит, сейчас оприходуем банку пополам, а вернешься от комбата, тогда уж поедим как следует. Я на кухню к Палычу сам сбегаяю.

Поваром на батарее служил пожилой мужик из той же брянской деревни, что и Колька. Звали его уважительно Иван Павлович, чаще просто Палыч. Земляка своего он уважал, и поэтому столоваться с Колькой было милое дело. Одним ловким круговым движением ножа Николай вскрыл банку, сунул Ефиму ложку и кусок хлеба:

— Рубай и беги к своему комбату, пока он на месте. Да заодно узнай, как этот поселок называется. Если кого убьёт, хоть будем знать где...

Съесть на ходу полбанки тушенки — секундное дело. Ефим схватил автомат и, легко перемахнув через забор, побежал в соседний дом. Капитан Каневский еще собирался, укладывал карты в новую офицерскую планшетную сумку.

— Быстро заточи мне карандаши, — бросил он Ефиму, не отрываясь от карт. — Да возьми мою старую планшетку, пользуйся. Пойдешь со мной к командиру полка. Подождешь там, у штаба, вдруг куда сбегать понадобится.

Широко распахнув дверь, комбат вышел из дома, легко сбежал по ступенькам высокого крыльца и быстро зашагал к зданию вокзала, где разместился штаб. Сержант поспешал следом.

— Послушай, Марк. — Когда рядом никого не было, Ефим запросто называл комбата по имени, да и тот относился к сержанту как к младшему брату. — Как называется этот поселок и сколько мы тут будем стоять?

— Ну, сколько стоять будем, пока не знаю, а поселок называется Толльмингкемен. Да зачем тебе это знать? Не все ли равно — одна деревня или другая? Все чужое...

— Ну, не скажи. Вон даже наш ездовой интересуется. Говорит, коли кого убьёт, так хоть знать будем где.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА ГОЛГОФУ

— Не бойся, здесь не убьёт, — отмахнулся комбат. — Все спокойно, немцы с позиций откатились. Если уж сшибёмся где, так в другом месте, как в наступление пойдём. Неподалеку тут городок есть — Шталлупенен, а южнее нас этот... Гольдап². Только что по картам сверял. Скажи своему ездовому, коль ему интересно. И пусть не каркает.

Комбат с полным правом мог давать такие наставления. К началу войны он успел закончить два курса математического факультета университета, что для хорошего артиллериста немаловажно. Да и провоевал он уже три года, два ордена получил и только что пришёл капитанские погоны. Ефим же успел доучиться лишь до седьмого класса, другие бойцы столько же, а некоторые и вовсе окончили только начальную школу. Так что на капитана своего бойцы смотрели как на человека образованного и бывалого.

Вскоре подошли к вокзалу, добротному зданию из красного кирпича, перед которым блестела влажной чистотой маленькая площадь, выложенная мелкой гранитной брусчаткой. На боковом фасаде здания чёрной краской была нанесена надпись — название посёлка, а может быть, и станции — «Tollmingkehmen».

Комбат прошёл в вокзал. Несколько человек перетapтывались у входа, курили, о чем-то негромко переговаривались.

— Эй, сержант, подходи сюда, угости табачком. — Водитель командира полка по-дружески помахал Ефиму рукой. — Чего это ты сбежал от нас к лошадиникам? Или на командирской машине сильнее трясет? — Все засмеялись.

— Трясет-то не сильно, но ты же знаешь, от начальства лучше быть подальше, а к кухне поближе.

— Ты там смотри, возле коней не расслабляйся. Как только тронемся отсюда, так сразу же к нам. Батя сегодня уже спрашивал, почему под рукой нет радиста.

— Ладно, как будет нужно, кликнешь. А пока я во второй батарее перекантуюсь. Что тут у вас под ногами болтаться.

Ожидание затянулось, уже выкурили по папироске, перешли на самокрутки, но никто не расходился, ждали своих командиров. В поселке, кроме солдат, не было ни души, перепуганные местные жители разбежались. Солдаты бродили по соседнему дому, с любопытством осматривая двери, окна, лестницы, обустройство комнат. В домах были невиданные ими в их деревнях водопровод и канализация. В углах комнат высились тяжёлые печки из кафельных изразцов. Печки были еще теплые, накануне хозяева топили, рядом лежали поленья и необычные брикеты, похожие на плотно спрессованную землю, оказалось — высушенный торф.

Наконец офицеры гурьбой высыпали из дверей вокзала и спешно двинулись по своим батареям.

Когда они с комбатом отошли за соседние дома, Ефим поинтересовался:

— Марк, ну что там сказали?

— Что, что?.. Стоять будем несколько дней. Велено занять позиции западнее соседнего посёлка Дамерау, на пригорочке. Занять да окопаться по полному профилю. Так что лопатами намахаемся... Эх, уж лучше бы наступать. Ну, ничего, сейчас выставим охранение понадежнее и спать, а завтра окапываться. Лопаты-то не растеряли?

— Не бойсь, не растеряли, лопат теперь даже больше, чем раньше было. Полная телега, громыхали

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА ГОЛГОФУ

в дороге на всю округу. Старшина-то у нас из ловкачей.

До батареи дошли быстро. Все уже разместились и заканчивали ужин.

Каневский двинулся в своё расположение, бросив вдогонку Ефиму:

— Вы там смотрите с ребятами — не суйтесь куда попало, а то нарвётесь на мину или на очередь из «шмайсера». Завтра всю округу осмотрим как следует, тогда спокойней будет. Передай командирам орудий — пусть живо идут ко мне.

Ефим пробежался по домам, где разместились батарейцы, а потом, уже не спеша, двинулся в конец переулка к Кольке в надежде на скорый ужин. На этот раз он зашёл во двор с тыльной стороны через большой старый сад. Деревья — яблони и груши — уже сбросили листву и сиротливо стояли с мокрыми чёрными стволами. Вся земля укрылась тёмно-коричневым одеялом из опавших листьев, недосуг хозяевам было этой осенью обихаживать свой сад. От дома сад отделялся сараем, его задняя сторона стояла глухая, безоконная, только в самом низу пробито оконце, скорее маленькая дверка, через которую из сарая выбрасывали навоз и складывали его за сараем отдельно в кучи — коровий и лошадиный. За осень и зиму навоз должен перегореть, а весной он удобрит огород, чтобы летом и осенью, как заведено с давних пор, земля щедро наградила хозяев урожаем. И земля терпеливо ожидала от людей, захлестнутых войной, подкормки, не в силах осознать тщетность этого ожидания.

Николай возился во дворе с лошадьми. Он раздобыл где-то широкую бадью для воды и теперь старался установить ее понадежнее, чтобы лошади не опрокинули, когда будут пить.